

В сумерках, видя, как гаснет последний луч солнца во дворе, Чао Юнь, наконец, услышала короткий свист с другой стороны западного крыла.

Она похлопала себя по груди и радостно сказала принцессе, которая сидела в главной комнате и читала книгу:

“Он вернулся, принц-консорт наконец-то вернулся!”

Хуа Ян почувствовала некоторое облегчение. Было уже так поздно, и она немного волновалась, что с Чэнь Цзинцзунем произошел какой-нибудь несчастный случай в горах, например, его укусила ядовитая змея, или он случайно упал со скалы, или что-то в этом роде.

У нее был только один принц-консорт. Хотя у него было много проблем, это было лучше, чем ничего.

Хуа Ян нравилось быть самой знатной принцессой в столице, а не самой знатной “вдовой”.

Раздались уверенные и мощные шаги, и в дверях появилась высокая и величественная фигура, отчего в комнате стало немного темнее.

Хуа Ян подняла голову, взглянула на красивое и серьезное лицо Чэнь Цзинцзуна и незамедлительно оказалась в его власти.

На этот раз он вернулся без всякой дичи. В левой руке он держал три промасленных бумажных пакета, а в правой - ... кувшин вина!

Хуа Ян нахмурилась. Она почти забыла, что в ее прошлой жизни Чэнь Цзинцзун почти каждый раз делал как минимум пару глотков вина!

“Где ты взял вино?” - тихо спросила она.

Увидев, что хозяйка начинает сердиться, Чао Юнь поспешно опустила голову и ушла.

Чэнь Цзинцзун не воспринял это всерьез, он вошел и поставил кувшин с вином на стол. Затем он сел и, взяв чайник и разливая чай, объяснил:

“Сегодня утром я подстрелил двух кроликов и специально пересек гору, чтобы добраться до другого города, расположенного более чем в десяти милях отсюда, чтобы обменять их на вино”.

Он сказал это так легко, но ведь ему пришлось подняться на гору и пройти пешком более 20

милль туда и обратно только ради кувшина вина!

Хуа Ян терпеть не могла запах алкоголя, и еще больше ей не нравилось то, что Чэнь Цзинцзун приложил столько усилий, чтобы купить вино.

“Мясо уже съедено, так что, может быть, мы выпьем немного вина?”

Чэнь Цзинцзун посмотрел на ее лицо и не смог понять ее настроения.

“Мне не нравится, что ты пьешь”, - прямо сказала она.

Выражение лица Чэнь Цзинцзуна стало серьезным, он на мгновение задумался и сказал: “Твое условие позволить мне спать на кровати не включало в себя воздержание от употребления алкоголя. Если запах покажется тебе неприятным, я обещаю тщательно почистить зубы”.

Хуа Ян молчала.

Еще одной причиной, по которой она ненавидела алкоголь, был ее отец, работавший во дворце.

Когда ее отец-император созывал министров, он выглядел мудрым монархом, но наедине с собой любил выпить. Когда Хуа Ян было девять лет, она случайно стала свидетелем того, как ее отец, будучи пьяным, насиловал дворцовую служанку. Красное лицо ее отца, вульгарная речь и непристойное поведение были ночными кошмарами Хуа Ян, из-за чего она с того года отказывалась видеться с ним. Когда она увидела его, то не смогла подавить отвращение в своем сердце.

Чэнь Цзинцзун просто мог немного выпить, но Хуа Ян очень беспокоилась, что однажды он выпьет слишком много и овладеет ею, как его отец той дворцовой служанкой.

На ее памяти, они с Чэнь Цзинцзуном однажды пошли в дом ее дяди на банкет. В тот день Чэнь Цзинцзун слишком много выпил. Когда Хуа Ян вышла из душа, она обнаружила, что он сидит у кровати, от него сильно пахло алкоголем, и он пристально смотрит на нее темными глазами.

Внешне Хуа Ян выглядела спокойной и холодно велела ему идти спать во двор, но на самом деле ее руки, спрятанные в рукавах, неудержимо дрожали.

Ну и что с того, что она была принцессой? Когда она была наедине с Чэнь Цзинцзуном, она была обычной женщиной, у которой не было сил даже связать курицу. Она не смогла бы даже повредить Чэнь Цзинцзуну руку.

К счастью, Чэнь Цзинцзун все еще слушал ее в ту ночь.

Этот человек был таким, постоянно совершал поступки, которые ей не нравились, но после смерти он всегда напоминал ей о некоторых своих положительных качествах.

“Не пей слишком много, выпей максимум одну чашку”. Хуа Ян снова пошла на компромисс.

“Одну чашку в обычное время. Но если у меня будет праздник или что-то, что меня расстроит, ты ведь не станешь меня останавливать, правда?”

Хуа Ян фыркнула:

“Как хочешь. Если ты слишком много выпьешь, найди себе комнату, чтобы поспать в одиночестве. Не приходи ко мне”.

Но в глубине души она удивлялась, что если он мог игнорировать даже упреки собственного отца, то тогда какие вещи вообще могли его беспокоить.

Чэнь Цзинцзун был уклончив и утолил жажду. Он придвинул к ней три бумажных пакета и сказал:

“Я также купил кое-что перекусить. В городе нет ничего вкусенького. Можешь поесть, если хочешь. Если тебе не понравится, оставь это для меня”.

Хуа Ян взглянула на промасленный бумажный пакет.

Избалованная принцесса не могла своими руками сделать даже такие тривиальные вещи, как развязать веревки, не говоря уже о грубой работе.

Видя, что она не двигается с места, Чэнь Цзинцзун усмехнулся, развязал веревку и развернул промасленную бумагу.

Хуа Ян увидела упаковку семечек дыни, упаковку вяленого мяса и упаковку кураги.

По сравнению со специальными закусками во дворце, эти три упаковки были намного хуже во всех отношениях. Семена дыни были недостаточно сочными, цвет вяленого мяса - недостаточно ярким, а курага - слишком мелкой.

Но в соседних деревнях и городах эти три упаковки были товарами высокого качества, и Чэнь Чжай, который был в трауре, не мог купить их прямо сейчас.

Целью траура было почтить память покойного. Чем больше горя вы проявите, тем больше людей будут восхвалять ваше сыновнее благочестие. Если бы вы все еще были в настроении

перекусить, как бы это выглядело?

Все знают, что траур - это болезненный процесс, и чиновникам, возможно, даже пришлось бы беспокоиться о том, чтобы отложить свое будущее на потом. Но почтительность сына была превыше всего, и такие семьи как Чэнь должны уделять больше внимания этикету.

“У меня не заболит живот после того, как я это съем?”

Хуа Ян не доверяла блюдам из маленького городка.

“Разве ты не поймешь, попробовав? В любом случае, я чувствую себя прекрасно после того, как я это поел”.

Хуа Янг на мгновение заколебалась, но решила подождать до того момента, когда ей захочется есть по-настоящему.

“Ужин еще не готов, тебе нужно сначала принять ванну”.

Он был весь в пыли, и Хуа Ян не захотела больше смотреть на него.

Чэнь Цзинцзун сказал Чао Юнь у двери:

“Просто принеси ведро холодной воды, кипятить ее не нужно”.

Хуа Ян нахмурилась:

“Ведро воды может отмыть дочиста?” Ей не хватило бы даже на то, чтобы вымыть голову.

Чэнь Цзинцзун оглянулся:

“Если мы ничего не будем делать, какой смысл мыться начисто?”

Если бы она спала с ним, он бы взял щетку и тщательно вычистился бы с головы до ног, чтобы убедиться, что она всем довольна.

Лицо Хуа Ян покраснело.

Поначалу она действительно была слишком наивной, думая, что даже если сын старейшины Кабинета и будет заниматься боевыми искусствами, то он определенно станет утонченным интеллектуалом!

Чжу Эр пошла за водой, а Чао Юнь отправилась во внутреннюю комнату за сменной одеждой для Чэнь Цзинцзуна, положила ее на полку рядом с ванной и затем удалилась.

Хуа Ян попросила ее убрать кувшин с вином и три пакета с закусками и оставаться в главной комнате.

Вскоре после того, как Чэнь Цзинцзун вошел в чистую комнату, послышался плеск воды, за которым последовал особый звук влажного полотенца, которое сжимали и которым протирали спину.

Хуа Ян показалось, что перед ее глазами появились два охранника из особняка ее тети.

Она не вглядывалась в их лица, но хорошо запомнила их широкие плечи и тонкие талии.

По сравнению с ними тело Чэнь Цзинцзуна выглядело еще привлекательнее. Его фигура была более стройной, мускулы сильными и пропорциональными.

Зал Фукуй.

Ло Юйянь стало некомфортно от долгого сидения, и она медленно прошла по двору. Эрланг и Санланг сидели на корточках под деревом и играли с муравьями. Чэнь Сяоцзун, который весь день преподавал, удобно устроился отдохнуть в боковой комнате.

Хозяйка прислала служанку, чтобы та принесла ужин, который состоял из клецок, фаршированных тремя видами овощей, трех вегетарианских блюд и яичного супа.

Ло Юйянь смотрела, как входят служанки, а затем как они уходят, и во рту у нее было очень невкусно.

Люди были такими, они не ценили мясо, когда могли есть его каждый день, но если бы они не могли есть мясо в течение трех месяцев, они стали бы ненасытными!

"Мам, пойдем поедим." - Эрланг был голоден, он отбросил маленькую деревянную палочку, которую держал в руке, и встал.

Ло Юйянь кивнула, и как раз в тот момент, когда она собиралась войти, из зала Сийи внезапно донесся запах тушеной курицы.

Ло Юйянь молча посмотрела на своих двух сыновей.